

Проводив Императорскую гвардию, Се Аньлань и Лу Чэнлин остались стоять друг напротив друга, неловко молча.

Се Аньлань всё ещё не мог до конца осознать тот факт, что в этой династии можно так открыто вступать в брак с женщиной. Казалось, все его прежние познания о феодальном строе были сущей шуткой: где же тут феодализм? Это место открытее, чем современное общество.

— Ваше Высочество, у меня что-то на лице? — заметив, что Се Аньлань пристально разглядывает его, Лу Чэнлин невольно коснулся своей щеки.

— Нет, я просто пытался понять, не переодетый ли вы мужчина, притворяющийся женщиной. — В конце концов, внешность у Лу Чэнлина была безупречной. Хотя в его чертах и сквозила мужская стать, нельзя было исключать и обратного. В современности он видел девушек с короткими стрижками, которые выглядели куда обаятельнее мужчин.

Лу Чэнлин едва заметно усмехнулся и одним движением распахнул алое свадебное одеяние, обнажая одежду, которая была под ним.

— Ваше Высочество, нужно ли мне раздеться, чтобы доказать обратное?

Без яркого свадебного наряда внешность Лу Чэнлина стала выглядеть естественнее, утратив прежнюю ослепительную красоту, зато Се Аньлань смог отчетливо разглядеть его фигуру. И стоило взглянуть, как Се Аньлань сразу убедился: перед ним самый настоящий мужчина.

— В этом нет нужды, — осознав реальность, Се Аньлань покачал головой.

Лу Чэнлин был слегка удивлен. Великая Юн славилась своими свободными нравами с самого основания: в народе браки между людьми одного пола не были запрещены. Хотя в императорской семье ещё не было прецедентов, чтобы мужчину делали законной супругой, у многих императоров в гаремах были наложники-мужчины, да и у знати они нередко встречались. По идее, Его Высочество должен был отнестись к этому спокойнее его самого, но выглядел так, будто ему сложно это принять.

Се Аньлань молчал, а Лу Чэнлин, будучи человеком тактичным, не стал расспрашивать, решив, что Великий князь Чэнь просто не питает симпатии к мужскому полу.

На самом деле Се Аньлань не то чтобы не мог этого принять — в прошлой жизни он повидал всяких людей в деловых кругах. Просто эта свобода нравов в данной эпохе слегка перевернула его представления, и ему требовалось немного времени, чтобы прийти в себя.

Помолчав, Се Аньлань успокоился. Раз уж он умудрился попасть в этот мир, что само по себе невозможно, то брак с женщиной по сравнению с этим — сущая мелочь. К тому же... договориться с женщиной гораздо проще и удобнее, чем с женщиной.

Се Аньлань собрался с духом и, улыбнувшись, произнес:

— Лу... Лу... как тебя там зовут?

Лу Чэнлин помолчал мгновение:

— Лу Чэнлин.

Се Аньлань слегка смутился:

— Точно, Чэнлин. Я запомнил. Хорошее имя.

Только уж больно символичное: остаток на счету «умножить на ноль».

— Чэнлин, раз уж мы познакомились при таких странных обстоятельствах и нам предстоит жить под одной крышей, думаю, стоит сразу прояснить некоторые моменты.

Лу Чэнлин не возражал:

— Ваше Высочество, прошу, говорите прямо.

Се Аньлань глубоко вздохнул и медленно начал:

— Думаю, ни я, ни ты не стремились к этому браку. Императорский указ был слишком внезапным и застал нас врасплох. Поэтому предлагаю вот что: на людях мы будем мужем и... э-э... одной семьей, но за закрытыми дверями каждый будет жить своей жизнью. Сейчас Имение вана в упадке, я не могу дать тебе никаких гарантий, но если дела наладятся, я готов отдать тебе половину имущества.

Закончив, Се Аньлань немного подумал и добавил:

— Если ты встретишь женщину, которая тебе приглянется, или у тебя возникнет какая-то необходимость, я помогу тебе привести её в дом. Или, если захочешь покинуть Имение вана, я найду способ тебя отпустить. Но при условии, что, если я встречу кого-то, ты не станешь мне мешать.

Сказав это, Се Аньлань почувствовал легкое беспокойство: не сочтет ли здешний человек его слова возмутительными? Впрочем, вспомнив репутацию прежнего владельца тела, он успокоился.

Лу Чэнлин был поражен. Если бы Великий князь Чэнь произнес такое вслух, многие бы

рассмеялись ему в лицо: где это видано, чтобы князь делил имущество с Княгиней, да еще и добровольно позволял «наставить себе рога»? Однако в голосе Великого князя Чэня он услышал искренность. Будучи в своем положении, Его Высочество не обязан был ничего обещать или даже просто разговаривать с ним — он мог бы просто игнорировать его. Похоже, Великий князь Чэнь вовсе не так плох, как о нем говорят, хотя его слова и манеры действительно шокируют — неудивительно, что вокруг него ходят такие слухи.

Раз уж Великий князь Чэнь отнесся к нему с искренностью, он ответит тем же:

— Прошу, Ваше Высочество, не беспокойтесь, я знаю, как поступить. Однако, раз уж я стал Княгиней, мое имя будет внесено в императорский реестр, так что в подобных обещаниях нет нужды. И прошу Вас, храните молчание об этом разговоре: если эти слова станут известны другим, это повлечет ненужные проблемы.

Лу Чэнлин, потерявший близких в восьмилетнем возрасте, рано усвоил, что такое умение приспосабливаться к обстоятельствам. Подобно этой нелепой свадьбе и абсурдному указу, он должен был принять всё как есть, хотел он того или нет.

Се Аньлань не ожидал, что Лу Чэнлин окажется таким сговорчивым и даже без подсказок пообещает хранить тайну. Это стало приятной неожиданностью.

— Договорились, давай скрепим это рукопожатием.

Они трижды хлопнули в ладоши, закрепляя устное соглашение.

Наступила ночь, небо усыпали яркие звезды. Две служанки, до онемения простоявшие на коленях во дворе, еще не знали, что ждет их в будущем. Се Аньлань и Лу Чэнлин вернулись на задний двор. Глядя на этих девушек, Се Аньлань с головной болью спросил:

— Что с ними делать?

Лу Чэнлин не был мягкосердечным, но понимал, что служанки пострадали ни за что. Подумав, он сказал:

— Пусть пока остаются в Имени вана в качестве чернорабочих. Если будут плохо справляться — продадим.

Только сейчас Се Аньлань по-настоящему ощутил, что попал в феодальное общество. Не вмешиваясь, он улыбнулся:

— Решай сам, как будет лучше.

Служанки, весь день дрожавшие от страха и уже приготовившиеся к смерти, внезапно получили шанс выжить. Пусть их понизили из первоклассных служанок до самых низших чернорабочих, но жизнь была спасена.

— Благодарим юного господина за спасение! — пролепетали они, благодарные до слез, несмотря на то что заоченели от холода.

— Идите, приведите себя в порядок, — Лу Чэнлин, видя, что Се Аньланю нет до них дела, отпустил их.

Служанки, поддерживая друг друга, хромая, удалились из главной спальни. Лу Чэнлин, проявив тактичность, сказал:

— Тогда я не буду мешать отдыху Вашего Высочества.

Се Аньлань потер нос и смущенно ответил:

— В нашем Имении вана сейчас есть только одна кровать — та, что в моей комнате.

— Тогда просто дайте мне одеяло, — предложил Лу Чэнлин.

— Одеяло тоже только одно. — Се Аньлань смутился еще сильнее. Вчера он спал в комнате прислуги, и, проснувшись, ощутил от той постели такой затхлый запах, что вспоминать было неприятно. Теперь же Лу Чэнлин — его партнер по сделке, и отправлять его в первый же день спать в коморку было бы слишком бессердечно.

Лу Чэнлин замолчал.

— Может, просто переспим вместе? Мы оба мужчины, никто из нас в обиде не останется, — стиснув зубы, решительно произнес Се Аньлань.

Лу Чэнлин внимательно посмотрел на него. Увидев в его глазах лишь искренность, он кивнул:

— Тогда прошу прощения за доставленные неудобства.

— Никаких неудобств, просто прошу, будь терпелив. В Имении вана сейчас и правда очень туго, возможно, такой образ жизни продлится некоторое время, — Се Аньлань быстро и ловко расстелил постель.

Неожиданно на брачном ложе обнаружился приятный сюрприз: целая гора арахиса, плодов лонгана, фиников и семян лотоса — видимо, оставили люди из Министерства ритуалов. Теперь

всё это досталось ему.

Лу Чэнлин наблюдал за его действиями, и в его душе крепло недоумение: Великий князь Чэнь не выглядел человеком, неспособным вести хозяйство, как же он довел имение до такого состояния?

— Ты тоже устал за день, перекуси чем-нибудь, — Се Аньлань, держа в подоле одежды сухофрукты, подошел к столу, где горели две красные свечи, и пригласил Лу Чэнлина.

Лу Чэнлин действительно проголодался — с самого утра он пил лишь чай. Он не стал церемониться и взял пару фиников.

На середине трапезы Се Аньлань вдруг вспомнил, что забыл купить лекарство, и смущенно сказал:

— Кстати... твои лекарства. Я завтра посмотрю, получится ли их купить.

Он не знал, хватит ли его пятнадцати медных монет, но в крайнем случае пойдет в Императорскую лечебницу и потребует своего — в конце концов, имя Великого князя Чэнь должно хоть что-то стоить.

Лу Чэнлин, перестав жевать, тихо произнес:

— Ваше Высочество, не тревожьтесь. Возможно, проснувшись завтра утром, мы найдем и деньги.

Се Аньлань, решив, что Лу Чэнлин просто пытается его утешить, отшутился:

— Верно. Может, я сам бог богатства, и завтра в Имении вана появится гора серебра, а вместе с ним вино и деликатесы — и мне больше не придется грызть те твердые, как камень, холодные маньтоу.

— Ваше Высочество всё это время питался лишь маньтоу? — Лу Чэнлин вспомнил, как управляющий Фу одаривал гвардейцев этими булочками, и на сердце стало горько. Великий князь, а дошел до такой нищеты.

Се Аньлань, увидев на столе два кубка вина, не раздумывая поднял свой и чокнулся с Лу Чэнлином. Выпив до дна, он с облегчением выдохнул:

— Да, сам заварил кашу — сам и расхлебываю. Кто же виноват, что я в прошлом всё проиграл? Заслужил грызть холодные маньтоу.

Сказав это, он отбросил кубок и лег на кровать. На самом деле он не чувствовал особой сонливости, просто стало зябко. Лу Чэнлин, увидев, что Се Аньлань лег, не стал ломаться: он снял верхнюю одежду, улегся рядом и закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать.

В комнате воцарилась тишина, слышно было лишь дыхание обоих. Когда Лу Чэнлин уже почти провалился в сон, Се Аньлань вдруг произнес:

— Э-э... кажется, ты придавил мои волосы!

Лу Чэнлин, сонный и дезориентированный, дрогнул ресницами, открыл глаза и машинально отодвинулся к самому краю. Он и так лежал на краю, и теперь половина его тела почти свисала с кровати. Се Аньлань, не выдержав, потянул его обратно:

— Ладно, ладно, подними голову, я сам лягу ближе к краю.

Лу Чэнлин послушался, и Се Аньлань осторожно перекинул свои длинные волосы в сторону, наконец укладываясь поудобнее. Он еще не успел закрыть глаза, как Лу Чэнлин нахмурился:

— Ваше Высочество, вы тоже придавили мои волосы.

Се Аньлань:

— ...

<http://bllate.org/book/26310/3150803>